

ЛАВКА СТАРЬЁВЩИКА

Н. СТЕРЛИНГ

Н. Стерлинг

Лавка Старьёвщика

«Автор»

2026

Стерлинг Н.

Лавка Старьёвщика / Н. Стерлинг — «Автор», 2026

У этой лавки нет вывески — только колокольчик над дверью и старик, который никогда не советует зря. Пять человек. Пять вещей с историей. Каждая находит своего покупателя сама — и вместе с ней приходит то, чего не купишь и не продашь. Родовой дар, за который платят собой. Проклятие волчьей крови. Зеркало, помнящее снесённый дом. Прибор, за которым наблюдают из космоса. И чемодан, хранивший больше тайн, чем могила. Пять историй. Одна лавка. Одна цена — выше, чем на ценнике.

© Стерлинг Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сборник рассказов	5
Рассказ первый: ШКАТУЛКА С ПОЛЫНЬЮ	5
Рассказ второй: МЕДАЛЬОН ЛЕСНИКА	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Н. Стерлинг

Лавка Старьёвщика

Сборник рассказов

Рассказ первый: ШКАТУЛКА С ПОЛЫНЬЮ

Лавка не имела вывески. На двери, там, где обычно пишут часы работы, висела пожелтевшая бумажка с одним словом: «Открыто» — и это слово не менялось ни зимой, ни летом, ни в те дни, когда весь город, казалось, вымирал от жары.

Хозяина звали Акимом Петровичем, хотя в городе давно ходили слухи, что имя это он взял себе сам, а настоящее забыл вместе с чем-то ещё более важным. Он сидел за прилавком, заваленным старыми часами, оловянными солдатиками и коробками с пуговицами, и никогда не предлагал товар — только смотрел, как человек сам находит то, что ему нужно. Или то, что нужно вещи.

В тот день, когда в лавку вошла Марина Осокина, колокольчик над дверью издал звук, больше похожий на вздох, чем на звон.

Она не собиралась ничего покупать. Просто убивала время до автобуса — развод отнял у неё почти всё, включая машину, — и город, в который она вернулась после пятнадцати лет отсутствия, казался ей чужим и слишком маленьким. Родители умерли, дом, где она выросла, давно продали, а старые знакомые смотрели на неё так, будто она была призраком собственной юности.

— Ищите что-то конкретное? — спросил Аким Петрович, не поднимая глаз от часового механизма, который методично разбирал маленькой отвёрткой.

— Нет. Просто смотрю.

— Тогда идите прямо. Третий стеллаж. Нижняя полка.

Марина хотела было сказать, что не нуждается в подсказках, но что-то в его голосе — ровное, будничное, как будто он просто сказал ей, что на улице идёт дождь, — заставило её послушаться.

На нижней полке третьего стеллажа, между треснувшей супницей и стопкой пожелтевших нот, стояла деревянная шкатулка размером с книгу. Тёмное дерево, потемневшее от времени почти до черноты, было покрыто резьбой — переплетающимися ветвями, в которых, если приглядеться, угадывались буквы. Не русские и не латинские. Марина протянула руку и коснулась крышки.

По коже прошёл холодок — не от прикосновения к старому дереву, а какой-то другой, идущий изнутри, будто шкатулка сама коснулась её в ответ.

— Сколько она стоит?

Аким Петрович наконец поднял голову. Его глаза, светлые почти до прозрачности, задержались на шкатулке дольше, чем на Марине.

— Она не продаётся. Она возвращается.

— В смысле?

— В смысле, что вещи иногда находят дорогу назад к тем, кому принадлежали. Как открыть — сами поймёте. Возьмите так.

Он не взял с неё денег. Марина вышла из лавки со шкатулкой под мышкой, чувствуя себя одновременно нелепо и странно спокойно — впервые за много месяцев.

Дома, в съёмной однушке на окраине, куда она перебралась после развода, Марина поставила шкатулку на кухонный стол и долго на неё смотрела, попивая остывший чай. Замка не было — только резной цветок на крышке, лепестки которого, казалось, можно было раздвинуть пальцами. Когда она попробовала, цветок поддался с тихим щелчком, будто ждал именно этого прикосновения.

Внутри лежала тонкая книжица в кожаном переплёте, пучок высохшей полыни, перевязанный бечёвкой, и медный ключ без замка, к которому был приделан. На первой странице книжицы выцветшими чернилами было написано: «Аграфена Осокина. Записано для той, кто придёт после».

Осокина. Её собственная фамилия.

Марина не помнила никакой Аграфены среди родни — бабушка звалась Ниной, прабабушку она не застала и вообще ничего о ней не знала. Родители не любили говорить о прошлом; отец однажды обронил, что «в семье были странности», и на этом разговор всегда обрывался.

Она перелистнула страницу. Почерк был мелкий, убористый, местами выцветший до полной нечитаемости, но большая часть текста сохранилась на удивление хорошо для бумаги, которой на вид было лет сто, если не больше.

«Если ты держишь эту книгу, значит, кровь не иссякла, и Дар нашёл, в ком проснуться. Не бойся его. Бойся того, что придёт следом, если не научишься им владеть».

Марина усмехнулась — горько, устало. Именно то, что ей было нужно после развода: семейное проклятие в придачу к разбитому сердцу. Она отложила книгу, решив, что дочитает завтра, если вообще захочет.

В ту ночь ей впервые за долгое время приснился спокойный сон. А проснувшись, она обнаружила, что комнатное растение на подоконнике, которое она считала засохшим ещё в прошлом месяце, выпустило три новых зелёных листа.

Прошла неделя. Марина, сама не зная почему, каждый вечер возвращалась к книге Аграфены — сперва из любопытства, потом уже не в силах остановиться. Записи описывали не столько заклинания, сколько наблюдения: как отличить растение, тянущееся к добру, от того, что тянется к дурному глазу; как заваривать чай, чтобы снять с человека тяжесть, которую он носит в груди годами; как слушать дом, в котором живёшь, потому что дома, по словам Аграфены, «помнят всё, что в них произошло, и иногда хотят об этом рассказать».

Марина начала пробовать. Сперва по мелочи — травяной сбор для соседки снизу, страдавшей бессонницей; заговорённая вода для офисной сотрудницы, у которой всё валилось из рук. Результаты пугали своей очевидностью. Соседка снизу впервые за полгода выпалась. Сотрудница, взяв заговорённую воду, за неделю получила повышение — событие настолько маловероятное, что сама не могла объяснить, как это случилось.

С каждым удачным «делом» — так называла это Аграфена в своих записях — Марина чувствовала себя всё увереннее и всё меньше похожей на ту потерянную, раздавленную разводом женщину, что месяц назад вошла в лавку старьевщика. Дар, о котором писала прабабка, разворачивался в ней, как цветок, и это ощущение было настолько живым, настолько её собственным, что Марина не заметила главного.

Она не дочитала книгу до конца.

Первый тревожный звоночек прозвучал в среду. Марина возвращалась с работы, когда на автобусной остановке к ней подошла пожилая женщина — не из тех, кого она знала, — и, глядя мимо неё, тихо произнесла:

— Скажи ей, чтобы прекратила. Пока не поздно.

— Простите?

Но женщина уже отвернулась и пошла прочь, будто и не она вовсе это сказала, а кто-то, говоривший через неё.

Марина списала это на усталость — свою и чужую, мало ли странных людей в большом городе. Но той же ночью зеркало в ванной, которое она протирала перед сном, на долю секунды показало ей не собственное отражение, а чьё-то чужое лицо — женское, измождённое, с тёмными провалами вместо глаз, — и рот этого лица беззвучно, но отчётливо произнёс одно слово: «Хватит».

Марина уронила полотенце и, задыхаясь, включила верхний свет. В зеркале была только она сама — бледная, с расширенными зрачками.

Она достала книгу Аграфены и заставила себя прочитать её до конца — по-настоящему, не пролистывая нетерпеливо страницы в поисках очередного полезного рецепта.

Последние записи были другими. Почерк там дрожал, будто рука, его выводившая, слабела с каждой строкой.

«Дар не даётся даром — прости за скверный каламбур, дочь моя, если ты моя дочь, или внучка, или та, кто дальше по крови. Каждое дело, что ты совершаешь Даром, берёт долю у тебя — не сразу заметную, не сразу страшную. Но за каждым добрым делом тянется тень, и эта тень копится, копится, пока не наберёт достаточно сил, чтобы прийти за тобой самой. Я звала её Хозяйкой Долга. Она не зла и не добра — она просто равновесие, которое ты нарушила, беря силу из ниоткуда. Я расплатилась собой, чтобы дать тебе время. Не повтори моей ошибки — не бери больше, чем можешь отдать. А если Хозяйка Долга уже пришла за тобой — знай, что откупиться от неё можно только одним. Тем, что дороже всего дела, что ты сотворила. Решай сама, готова ли ты на это, прежде чем начнёшь считать себя всесильной».

Дальше страница обрывалась. Не была дописана — просто обрывалась, будто у Аграфены не осталось времени договорить.

Марина сидела на полу кухни до самого утра, обнимая колени, и думала о том, сколько «дел» она уже совершила. Пять. Может, семь, если считать по мелочи. И о том, что лицо в зеркале было не первым странным знаком — просто первым, который она не смогла списать на усталость.

Хозяйка Долга пришла за ней через три дня — в среду, ровно через неделю после первого предупреждения на автобусной остановке.

Марина возвращалась домой поздно, задержавшись на работе, и на лестничной клетке своего дома — обычной, грязноватой, пахнущей сыростью советской лестничной клетке — вдруг почувствовала, что температура упала градусов на десять, а звуки стали приглушёнными, будто уши заложило ватой.

На площадке между третьим и четвёртым этажом стояла женщина. Не та измождённая тень из зеркала — эта выглядела почти обычно, разве что слишком неподвижно, слишком прямо, и глаза у неё были совершенно чёрные, без белков, без зрачков — просто два провала.

— Ты используешь то, за что не заплатила, — сказала женщина голосом, в котором слышался лёгкий, едва уловимый акцент — не иностранный, а какой-то очень старый, будто из позапрошлого века. — Твоя прабабка знала цену. Ты — нет.

— Что вам нужно? — Марина сжала перила так, что побелели костяшки.

— Равновесие. Ты взяла силы у мироздания семь раз. Мироздание хочет получить своё назад.

— Я не понимаю, что вам отдать. У меня почти ничего нет.

Хозяйка Долга наклонила голову — жест, слишком плавный для человека, слишком похожий на движение хищной птицы.

— У тебя есть Дар. Это то, что дороже всего. Отдай его — и я уйду. Оставь его себе — и я буду забирать по кусочку то, что тебе действительно дорого, пока не наберу равную цену. Твоё здоровье. Твою память. Людей, которых ты любишь.

Марина вспомнила соседку снизу, впервые выпавшуюся за полгода. Вспомнила сотрудницу с повышением. Вспомнила собственное, впервые за месяцы, ощущение, что она — не бракованная, не выброшенная, а способная на что-то настоящее.

И вспомнила слова Аграфены: «Не бери больше, чем можешь отдать».

— А если я перестану? — тихо спросила она. — Прямо сейчас. Больше не буду пользоваться Даром. Совсем.

Впервые за весь разговор в чёрных глазах женщины мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Тогда долг замрёт. Не исчезнет — замрёт. Я буду ждать, наблюдать. Если ты снова возьмёшь силу без платы — я вернусь, и в следующий раз выбор будет не за тобой. Согласна?

Марина подумала о матери, которую едва помнила спокойной; о том, что значит родовая цепь, где каждое звено расплачивается за предыдущее и одалживает будущему. Подумала о шкатулке, о ключе без замка, лежащем внутри — и вдруг поняла его смысл: ключ был не от шкатулки. Он был обещанием — что однажды придётся отпереть что-то другое, более важное.

— Согласна, — сказала она.

Хозяйка Долга исчезла — не растворилась, не растаяла, а просто перестала быть, как будто её никогда и не было, оставив после себя только запах сухой полыни и внезапно потеплевший воздух лестничной клетки.

Марина не выбросила шкатулку. Не сожгла книгу Аграфены, хотя первым порывом было именно это. Она поставила шкатулку на полку в своей комнате — как напоминание, а не как инструмент — и вписала в книгу, ниже последней, недописанной записи прабабки, собственные слова:

«Я услышала тебя, Аграфена. Я не буду брать больше, чем смогу отдать. Но я не откажусь от того, кем стала. Просто научусь быть осторожнее, чем ты».

Иногда по вечерам, когда за окном темнело, а город затихал, ей казалось, что она слышит в квартире лёгкие, почти неразличимые шаги — не пугающие, скорее ожидающие. Хозяйка Долга не ушла насовсем. Она просто ждала — так же терпеливо, как ждала до этого сотню лет, пока в роду Осокиных не проснётся следующая, кто возьмёт больше, чем сможет вернуть.

А в лавке без вывески Аким Петрович, разбирая очередные старые часы, иногда поднимал голову к двери — так, будто слышал звон колокольчика ещё до того, как тот раздавался на самом деле.

Конец первого рассказа

Рассказ второй: МЕДАЛЬОН ЛЕСНИКА

Колокольчик над дверью лавки звякнул коротко, почти нехотя, когда в неё вошёл Данила Круглов — крупный мужчина лет тридцати пяти, с усталыми глазами человека, который слишком долго жил в чужом ритме и наконец решился на что-то своё.

Он переехал в этот город месяц назад — купил старый дом на самой окраине, там, где кончались последние улицы и начинался лес, тянувшийся, если верить карте, на добрые сорок километров до границы с соседней областью. Дом достался дёшево — соседи говорили, слишком дёшево для крепкого сруба с участком в пятнадцать соток, — и Данила, уставший от съёмных квартир и городской суеты, не стал задавать лишних вопросов.

В лавку он зашёл случайно, в поисках чего-нибудь для обустройства нового жилища — старого зеркала, может, каминных щипцов для настоящего, ещё дровяного, камина, который он собирался разжечь этой же зимой.

— Ищите что-то для дома? — спросил старик за прилавком, не отрываясь от часового механизма.

— Да, вроде того.

— Второй стеллаж справа. Средняя полка.

Данила не удивился совету — мало ли, старик просто знал свой товар. На средней полке второго стеллажа, среди старых курительных трубок и медных пуговиц с истёртыми гербами, лежал медальон — тяжёлый, из потемневшего серебра, с изображением волчьей головы на одной стороне и незнакомым, будто рунным, узором на другой. К нему была прикреплена цепочка, а рядом, завернутый в промасленную тряпицу, лежал охотничий нож с костяной рукоятью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.